

О.Г. Ульянов (Москва)

**БРОННЫЙ ПРИКАЗ И ЕГО РОЛЬ
В РАЗВИТИИ МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ
ШКОЛЫ XVI–XVII ВЕКОВ
(Специализация и проблемы секретности)**

С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ Оружейной палаты при учреждении чина оружейничего в 1508 г. определилось доминирующее направление ее деятельности – формирование национальной школы оружейного дела со своими устойчивыми традициями и специфическим комплексом технологических приемов¹. Отличительной особенностью дворцовых оружейных мастерских в Москве стала специализация на изготовлении парадного высококачественного оружия, что обусловило постепенную концентрацию в столице оружейников самой высокой квалификации. Вместе с тем, возложенная на Оружейную палату функция снабжения разнообразным вооружением российского войска стала основным фактором неуклонного роста численности московских оружейников на протяжении XVI–XVII вв.

Не вызывает никакого сомнения, что подлинный прогресс в оружейном деле мог быть достигнут лишь на базе собственных ремесленных традиций и своей оружейной школы. Не случайно в описях и делопроизводных записях конца XV – начала XVI в. участились упоминания «московских» шелофов, пансырей, копий, рогатин и т. д.² В собрании Эрмитажа один из юшманов (рис. 1), принадлежавших кн. В.А. Старицкому (I.604), помечен надписью: «сотворити Московскому князю Владимиру Андреевичу 5 лет княжения его 17 лет возраста его» (т. е. 1550 г.). О популярности на Востоке московского «доспеха» позволяет судить переписка с крымским ханом Менгли-Гиреем, которого настолько восхитил «пансырь», пожалованный ему в 1488 г. вели-

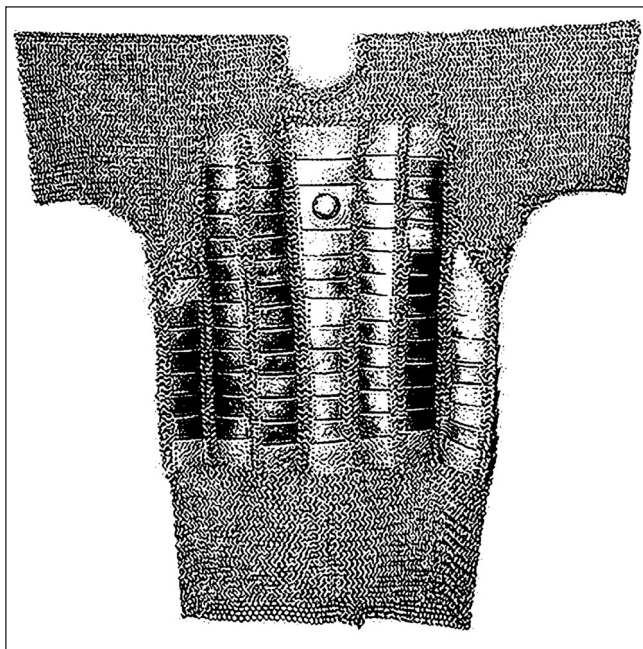

Рис. 1. Юшман кн. В.А. Старицкого. 1550 г. (ГЭ I.604). Поступил в ГЭ из Царскосельского арсенала. Грудь выполнена из 5 рядов, 3 центральных по 14 пластин (включая подполок), два крайних по 13, бока выполнены из 2 рядов по 9 пластин, спинная часть из 5 рядов, 4 ряда по 14 пластин и центральный ряд из 13. Общее количество пластин – 173

ким князем Иваном III, что в 1492 г. в Москву был отряжен ханский «паробокъ Касымъ, пансырь велми знает, который он похвалит пансырь, ко мне бы еси, брату своему, прислал»³. Последнее обстоятельство невольно рождает вопрос о степени знакомства крымских посланцев с Государевой оружейной казной. Подобные факты позволили исследователям прийти к справедливому заключению, что для равной конкуренции с дамасским или итальянским оружием на международном рынке в Крыму оружие московских мастеров должно было давно стать образцовым и первоклассным⁴.

О широкой международной известности московского оружия свидетельствуют многочисленные грамоты ногайских

мурз (Удус-мурзы 1550 г., Исмаила и Урус-мурзы 1564 г.) к царю Ивану Грозному с просьбой о присылке из Москвы «сабель, что рубят железо»⁵. Начиная с 90-х гг. XV в., панцыри «московского дела», получили широкое распространение на Востоке, во многом благодаря купеческой торговле⁶. Именно московские панцыри были закуплены только за один 1589 г. в количестве ок. 100 шт. бухарскими купцами⁷.

Самые ранние среди известных на сегодняшний день сведений о демонстрации иностранцам великокняжеской казны связаны с посещением Москвы венецианским послом А. Контарини в 1473 и 1476 гг. По его описанию, великий князь Иван III «с большим радушием показал свои одежды из золотой парчи, подбитые прекраснейшими соболями»⁸, т. е. часть Постельной казны, хранившуюся, как можно предположить из описания приема, в покоях у «столовой гридни». Уже ко времени посольства Контарини оружие «московского дела» стало широко известно за пределами Русского государства, поскольку он сообщает о посылке астраханским ханом в Москву татарских купцов с целью обмена шелка на «мечи».

Исследование кремлевской топографии с использованием впервые выявленных нами архивных источников позволило точно установить, что древнейшим хранилищем Оружейной палаты, где размещалось и первоначально производилось вооружение, служили Набережные палаты, построенные весной 1508 г.⁹ Последние с утратой их лидирующего положения к середине XVII в. стали использоваться под склад вышедшего из употребления оружия, требовавшего починки, и весьма примечательно, что в кладовых при проверке вещей в 1861 г. среди железного лома со следами пожара 1737 г. была найдена зубчатая полоса древнего меча, проходящая в самых ранних описях Оружейной палаты под № 1¹⁰.

Дальнейшее местонахождение Оружейной палаты в XVII в. было прослежено с достаточной полнотой И.Е. Забелиным, которому удалось установить ее расположение и устройство, используя при этом план Кремлевского дворца 1751 г. и записные книги дворцовых приказов¹¹. По заключению И.Е. Забелина, ведомство Оружейной палаты было размещено в западной части Кремля, против Потешного дворца, на втором (мастерские) и третьем (хранилище) этажах длинного каменного корпуса, рас-

тянувшегося от Куретных до Колымажных дворцовых ворот, стоявших вблизи церкви Рождества Иоанна Предтечи. Однако, когда именно и для какой царской особы был возведен этот корпус, ни И.Е. Забелин, ни последующие исследователи так и не смогли выяснить.

Между тем, существуют сведения, что в 1565 г., учреждая (с января 1564 г.) опричнину, царь Иван Грозный собирался именно на этом месте, позади церкви Рождества Богородицы 1393 г. (возобновлена в 1514 г.) и до самых Куретных ворот, основать свой особый Опричный дворец¹². Следовательно, до 1565 г. здесь не были известны какие-либо значительные дворцовые постройки. По целому ряду документов Оружейного приказа середины XVII в., в частности, челобитной 1652 г., прослеживается различие между сторожами «Ружейной полаты» и сторожами «Набережных хором»¹³. Отсюда возникает резонный вопрос: когда же именно и в силу каких причин основное ядро Оружейной палаты переместилось из Набережных палат в новый корпус между Колымажными и Куретными воротами?

В очередной раз решающим фактором стал, скорее всего, самый опустошительный кремлевский пожар 21 июня 1547 г., когда «Оружничья полата вся погоре с воинским оружием»¹⁴. По крайней мере, серьезную озабоченность царя Ивана Грозного состоянием оружейного дела показывает его обращение в том же 1547 г. к императору Карлу V посредством саксонца Ганса Шлитте с просьбой о присылке «ружейных и панцирных мастеров»¹⁵. Однако обращение русского царя осталось безрезультатным, т. к. ливонский магистр, добившись запрета Карла V, не пропустил в Москву ни одного из набранных 123 мастеров, страшась усиления военной мощи Русского государства. Поэтому царь Иван Грозный вынужден был избрать иные средства и в 1556 г. отправил грамоту в Новгород с указанием «отписать на Государево имя» мастеров из пленных, «какому делу который умеет»¹⁶.

Одним из оптимальных способов решения проблемы освоения передовых технологий стало приглашение на Русь высококвалифицированных иностранных мастеров, что представляло собой повсеместное явление для национальных оружейных школ Европы в период их становления. Так, знаменитые дворцовые мастерские в Гринвиче (Англия) были основаны в 1511 г. благодаря приглашению Генрихом VIII итальянских оружейни-

ков, чья продукция приобрела общеевропейскую известность¹⁷. В свою очередь, Мария Тюдор, дочь короля Генриха VIII, оказала помощь московскому двору в развитии собственного оружейного производства, снабдив «посла московитов... всякого рода оружием оборонительным и наступательным, и особенно артиллерией, в которой они были несведущи, и **даже мастерами** с целью дать им средства, чтобы одержать верх над землей султана»¹⁸. На самом деле уже в середине XVI в. венецианский посол в Москву Марко Фоскарини относительно технического уровня московской артиллерии заметил, что «она снабжена всевозможными боевыми снарядами, какие имеются в настоящее время и у других государей»¹⁹.

Беспощадный кремлевский пожар 21 июня 1547 г., в который «казна великого царя погоре и Оружьничья полата вся погоре», все же пощадил значительную часть хранилищ, т. к. первые английские путешественники и дипломаты, начиная с кормчего Ричарда Ченслера (1553–1554) и капитана Антония Дженкинсона (1557–1558) были поражены великолепием царского приема в Москве²⁰. Например, в «Описании России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557/1558 года при царском дворе» относительно царской сокровищницы замечено, что это «приказ, где по нашем прибытии нам показали громадное число царских драгоценных камней и богатых платьев, прося нас заметить и осмотреть их внимательно, чтобы мы по приезде в Англию могли рассказать, что видели здесь»²¹.

Однако, несмотря на практику специальной демонстрации представителям иностранных держав Государева хранилища на Казенном дворе, дворцовый арсенал ни одному из них не был показан. Исследователи русского оружия, и в первую очередь историки Оружейной палаты, почему-то постоянно проходили мимо глубокой засекреченности этой отрасли древнерусского ремесла, прежде всего, в столице Русского государства. Между тем, впервые кое-какие сведения о московском арсенале смог раздобыть лишь посол императора Максимилиана II Иоганн Кобенцель в 1576 г. По его сообщению, арсенал был настолько велик, что вмещал около 2 тысяч орудий, правда, расположенных «в двух только местах»²².

Лишь на исходе XVI в., уже в правление царя Бориса Годунова, иностранные дипломаты стали допускаться к осмотру Ору-

жейной палаты в самом Кремле, как о том можно судить по свидетельству секретаря посольства шаха Аббаса I дона Хуана Персидского, побывавшего в Москве в 1600 г.: «... нам были показаны достопримечательности города, в особенности сокровищница, чьи богатства... столь же трудно представить себе, как и описать. Хранилище царской одежды равным образом представляло ценность невероятную. Арсенал столь же велик и так богато снабжен, что можно было бы вооружить **20 тысяч всадников**»²³. Вновь, как и в летописной записи о кремлевском пожаре 21 июня 1547 г., последовательно перечислены в соответствии с топографией дворцовых палат Казенный двор, Постельная казна и Оружейная палата. Вместе с тем Джером Горсей, состоявший английским посланником при московском дворе с 1573 по 1591 гг., сообщал о готовности московского государя немедленно предоставить имперской короне «**50 тысяч конных воинов**» в полном вооружении²⁴. Если считать, что это была оптимальная численность дворянской конницы, в какой-то мере получавшей оружие из казны²⁵, то вероятнее всего, дона Хуана Персидского ознакомили лишь с палатой «Большой Оружейной казны». В качестве дара персидскому шаху Аббасу I Великому царем Борисом Годуновым были выбраны в 1604 г. именно панцырь московской работы и два самопала.

Как уже было ранее отмечено в наших публикациях²⁶, при оружейнике И.Д. Теввекелеве вошло в употребление наименование Бронного приказа, впервые зафиксированное в Списке служилых людей, составлявших опричный двор царя Ивана Грозного, в который была преобразована в 1572 г. опричнина, имеющем полное заглавие: «Лета 7081-го марта в 20 день государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси поместил боярам и околничим и дьяком и дворяном и приказным людям свое жалованье по окладу»²⁷.

В этом документе, датированном 20 марта 1573 г., находятся первые подробные сведения о разделении труда в Бронном приказе, способном обеспечить потребности ремонта и подновления оружия не только Государева опричного войска в количестве 664 чел., но и всей опричнины²⁸. Анализ Списка 1573 г. позволил не только установить общую численность Бронного приказа в 115 чел., но и впервые открыть ранее неизвестные имена ведущих оружейников Москвы, включая их оклад со-

гласно профессиональной квалификации и оружейную специализацию.

Весьма показательно включение в список Бронного приказа «сторожей верхней казны», которое Д.Н. Альшиц счел ошибочным²⁹. Если придерживаться топографии дворца XVII в., то верхние кладовые палаты располагались близ Оружейной палаты на одном с ней этаже указанного нами длинного корпуса, против Потешного дворца. Корректность такого подхода доказывает упоминание в списке 1573 г. остальных приказов – Постельного, Сытного и Конюшего, составлявших непосредственное окружение Оружейной палаты и в XVII в., причем Сытный дворец размещался прямо под оружейными мастерскими³⁰. Материалы, которые могли служить не только для изготовления огнестрельного оружия, но и для монтировки холодного оружия и доспеха, находились, судя по перечневой росписи 1647 г., в непосредственном соседстве, под кремлевской церковью Сретения и в Поваренной палате³¹.

На основании изложенных данных вполне вероятно предположить возведение каменного корпуса кремлевских палат, растянувшегося от Куретных до Колымажных дворцовых ворот, в период 1565–1572 гг. Таким образом, наряду с переводом основного ядра Оружейной палаты в новый корпус, находящийся позади дворцовых палат с церковью Рождества Богородицы, к 1572 г. вошло в употребление новое наименование – «Бронный приказ».

Следует подчеркнуть, что государевы оружейники уже в последней четверти XV в. занимали исключительно привилегированное положение, ничуть не ниже ведущих иконописцев и золотых дел мастеров. Не случайно, перечень мастеров Бронного приказа возглавили 3 оружейника, владевшие поместьем: шеломник Иван Савин (100 четей поместья) и сабельники Офоня и Муха Горусины (70 четей). За исключением мастеров-помещиков, все остальные оружейники Бронного приказа распределены в этом списке по отдельным квалификационным группам в соответствии с уровнем их мастерства и продолжительностью производственного стажа.

Всего в штат Бронного приказа, по состоянию на 1573 г., входило **4 шеломника** вместе с названным Иваном Савиным: Микита Чеусов, Михалко Климов и Проня Якимов (все в 1 группе);

к ним же можно присоединить Ивашку Федорова, «что шапки выбивает» (3 группа). Наряду с упомянутыми Горусиными в сабельниках состоял также Никитка Истомина (3 группа).

Численный состав оружейников других специальностей во многом зависел от потребности в том типе оружия, по которому они специализировались. В Бронном приказе числилось **14 пансырников**: Лесук Иванов, Олеша Родионов, Бажен Андреев, Фетко Григорьев (все в 3 группе), Яким Никитин, Калина и Янка Федоровы, Иванко Лукьянов, Васка Рыскунов, Сенка Микулин, Митка Дмитриев, Сенка Никифоров, Бориско Степанов, Юшко Игнатъев (все в 4 группе); **8 юшманников**: Ждан и Митя Нестеркины, Васка Ондреев (все в 1 группе), Офоня Рябой, Петруша Лукьянов (оба во 2 группе), Меншик Овдокимов (3 группа), Иванко Фролов, Васка Леонтьев, что «юшманские доски куёт» (оба в 4 группе); **5 лучников**: Михей Андреев (3 группа), Тимошка и Матюоша Офонасьевы, Третьяк Горяинов, Бажен Купреянов (все в 4 группе); **5 ножевников**: Полуня Иванов, Потапко Васильев, Фетко Григорьев (все в 3 группе), Ромашка Антонов, Фетко Кузмин (оба в 4 группе); **4 стрелника**: Илейка Федоров, Олеша Родионов (оба в 3 группе), Игнаша Иванов, Ондрюша Максимов (оба в 4 группе); **2 саадачника**: Сухой Селиверстов (2 группа), Васка Булыгин (4 группа) и, наконец, **1 копейный мастер** Иванко Мартынов (3 группа).

В то же время, значительная часть мастеров была занята на вспомогательных операциях. Прежде всего, здесь следует отметить **26 чищельников**: Иванко Семенов, Седой Окатьев (оба во 2 группе), Степанко Иовлев, Наумка Иванов, Исачко Васильев (все в 3 группе) Фетко Никонов, Офрем Нефедов, Ромашко Ларин, Вавилко Протасов, Гриша Мамзов, Наумко Офонасьев, Иевко Ортемов, Филка Григорьев, Паня, Олеша и Онисимко Кузьмины, Фадейко и Микифорко Григорьевы, Говор Олексеев, Третьяк Федоров, Офонка Давьдов, Китайко Леонтьев, Илейко и Сидорко Васильевы, Овдоким и Юдка Тимофеевы (все в 4 группе).

Смежные функции, связанные с черновой заготовкой или, напротив, с отделкой оружейных изделий, выполняли **4 строчника**: Иванча Чорной (1 группа), Спирия Михайлов, Васка Степанов, Атман Новокрещенов (все во 2 группе); **3 наводника**: Васка Федоров, Иванча Чорной (оба в 1 группе), Костя Булатников

(2 группа); **4 проволочных**; Онисим Иванов (3 группа), Степано Володин, Мотой и Матюша Ураковы (все в 4 группе); **2 железечника**: Петелка Ильин и Суворец Вавилин (оба в 4 группе); **1 хозник** Данилко Костин (4 группа); **1 тохтуйник** Митя Уткин (4 группа); **1 костник** Васка Истойников (4 группа) и **1 пряжник** Богданко Халопов (4 группа). Отдельно в списке служилых людей Бронного приказа упомянуты **11 самопальных стрелков** и **8 мастеров самопальных пищалей**.

Таким образом, согласно списку 1573 г., в Бронном приказе состояли оружейники **20 специальностей**, из которых более привилегированными, судя по окладу, считались специальности самопального мастера, шеломника, сабельника, юшманника и наводника.

По сравнению с выделенными в свое время А.В. Арциховским для новгородского ремесла XVI в. **шестью оружейными специальностями**, полученные нами данные позволяют намного увеличить их число, что подтверждает тезис о значительной дифференциации оружейного ремесла Москвы XVI в. Разница в окладе между мастерами 1 (первой) и 4 (последней) групп составляла 2 рубля, примерно та же разница была и в размерах корма.

Обращает на себя внимание совмещение одним оружейником нескольких специальностей: Иванча Чорной – **наводник и строчник** (1 группа), Фетко Григорьев – **пансырник и ножевник**, а Олеша Родионов – **пансырник и стрелник** (оба в 3 группе). Видимо, подобная универсальность в определенной степени поощрялась, поскольку в последней группе (наименьший оклад) таких мастеров не значилось. Ко времени составления списка сложились целые оружейные династии, такие как сабельники Горусины, пансырники Федоровы, юшманники Нестеркины и лучники Офонасьевы. Следовательно, родственные связи выступали решающим фактором не только при назначении в оружейничество (Карповы, Салтыковы), но и при наборе оружейных мастеров, что в очередной раз подчеркивает высокую требовательность к сохранению государственной тайны в оружейном деле.

Перечень специальностей мастеров Бронного приказа обнаруживает не только высокую степень дифференциации оружейного ремесла, но и определенную эволюцию в национальном оружейном деле. Среди Государевых оружейников в Москве доминировали специалисты по оборонительному доспеху, причем,

если в целом ряде оружейных мастерских в России, например, в Кирилло-Белозерском монастыре, даже в первой половине XVII в. была известна лишь унифицированная специальность «бронника»³², то в столичном Бронном приказе числились «шеломники», «юшманники», «пансырники» при некотором преобладании последних.

Характерно отсутствие в списке 1573 г. специальности «кольчужника» в свете не стихающей до сих пор полемики вокруг классификации таких типов кольчатого доспеха, как пансырь и кольчуга. О существовании специальности «кольчужника» стало впервые известно из надписи на надгробии 1596 г., найденном М.Г. Рабиновичем при раскопках Таганского холма в Москве. Надо заметить, что в современном собрании Оружейной палаты пансырей в два с лишним раза больше, чем кольчуг, согласно описи Государевой оружейной казны 1687 г., где довольно четко обозначен тот или иной тип доспеха. Вместе с тем в «Смотренных списках» и «Десятнях» XVII в. все кольчужные доспехи нередко фигурировали под собирательным названием «панцырь», поэтому не исключено изготовление мастером – «пансырником» и кольчуг. В свое время Н.В. Гордееву на основе одной из кольчуг (№ 4477 ОП) удалось выделить переходную форму XVI в. от кольчуги к панцирю, возникшую отчасти под влиянием широко популярных на Востоке кабардинских панцирей³³. В описи 1687 г. пять панцирей (№ 4499-4503 ОП) были записаны как «черкасские», что лишний раз свидетельствует о проникновении кабардинских военных традиций в дворцовый обиход со времени царя Ивана Грозного.

Заготовкой проволоки как для панцирей, так и для юшманов занимались особые «проволочные» мастера, владевшие способом волочения железной проволоки в специальном станке. Примечательно, что к 1573 г. в Бронном приказе на 22 «доспешных» мастера приходилось всего лишь 4 «проволочных». К числу вспомогательных оружейных специальностей относилась и специальность «железечника», что опровергает точку зрения Б.А. Колчина о ее торговом характере³⁴.

В описи «пожитков» Б.Ф. Годунова значительная часть вооружения имела московское происхождение, в т. ч. расписанный золотом «по красной земле» лук «Савина дела Деревягина». Временем Бориса Годунова датируется знаменитая байдана, на каж-

дом кольце которой с лицевой стороны выбита надпись «С нами Бог никтоже на ны» (Рим. 8, 31), которая в описи 1647 г. упоминается как «байдана железная, на кольцах слова чеканные» (рис. 2). В 1589 г. один из чищельников Бронного приказа был пожалован Б.Ф. Годуновым, ко времени правления которого относятся также вполне определенные сведения о привлечении кузнецов Пушечного приказа для «Государева оружейного дела»³⁵.

Очевидно, что основную массу Государевых оружейников к концу XVI в. составляли русские мастера, а иностранцы в списке 1573 г. помечены отдельно. Большая их часть приходилась на мастеров самопальных пищалей, оклады которых были выше окладов оружейников других специальностей, в свою очередь, жалование иностранцев на 1–2 рубля превышало оклады русских мастеров огнестрельного оружия. Иноземные мастера самопальных пищалей, как правило, были западноевропейского происхождения, например, «немчин» Михалко Семенов (7 рублей). Однако шеломники Михалко Климов и Проня Яковлев были «волошанами», т. е. выходцами из Валахии, культурные связи с которой особенно упрочились со времени Елены Волошанки, снохи государя Ивана III.

Явно привилегированное положение в Бронном приказе самопальных мастеров было обусловлено усилением на рубеже XVI–XVII вв. приоритетности огнестрельного оружия. Иностранные самопальные мастера, как и русские, поступали по прибытию в ведение оружейничего, на которого был возложен (с 1550 г.) также контроль за бесперебойной работой устроен-

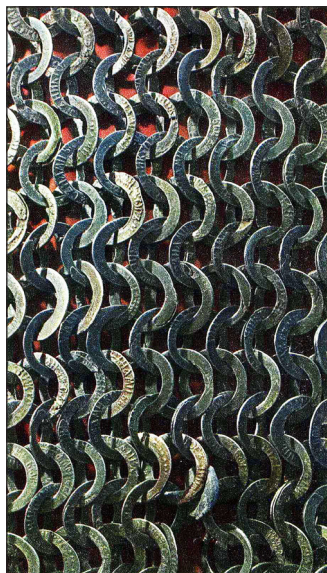

Рис. 2. Байдана времени Бориса Годунова. (4560 ОП). Длина – 71 см, ширина в плечах (с рукавами) – 106 см, ширина в подоле – 62 см, вес – 6150 г. Диаметр колец – 24 мм, ширина – 4,5 мм, толщина – 2,5 мм

ных в Москве на р. Яузе и р. Неглинной кузнечных мельниц, где «варили железо» и ковали пищали и самопалы при помощи вододействующих молотов³⁶.

Наименование «Бронного приказа» смогло продержаться лишь до Смутного времени, судя по «Записке о царском дворе, царском чиноначалии, придворных чинах, Приказах, войске, городах и прочем», датируемой 1610–1613 гг. Исходя из имеющейся на ней пометки на старопольском языке, «Записка» была составлена в Москве по заданию правительства Речи Посполитой для королевича Владислава. В документе точно зафиксировано размещение Оружейной палаты в том самом корпусе, куда она переместилась к 1572 г.: «Вверху, назади, в полатах на то устроено место, где делают про Государя златые утвари и серебряные, и подле того **оружейничья полата**, приказана боярину да дьяку; Государские все тут зброи, латы, и бехтерцы, зерцалы, и юшманы, и колчюги, и пансыри, шапки булатные, и шеломы, сабли, и самопалы, копыя и рогатины»³⁷. Возрожденное наименование «Оружейничья полата» сохранило близость к первому летописному упоминанию «оружельничей полаты» в 1537 г.³⁸

Впервые различие между хранилищем парадного царского оружия и арсеналом строевого вооружения определил участник голштинского посольства в Москву в 1634 г. А. Олеарий, указавший в Московском Кремле «Ружейный приказ, где хранится все царское вооружение и оружие для военных целей, а также разные украшения для процессий и торжественных случаев. Здесь же находится цейхгауз, или Оружейная палата»³⁹. Подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин, бежавший в 1664 г. в Швецию и составивший по заказу шведского канцлера сочинение о государственном устройстве России, уже более осведомленно охарактеризовал ведомство Оружейного приказа, которому подчинялся не просто «цейхгауз», а «двор, где делают ружья», т. е. Ствольный приказ на Бархатном дворе; кроме того, ведению Оружейного приказа подлежала **«казенная Оружничья палата и ствольного, и ложного, и замочного и иного дела мастера»**⁴⁰. Последнее обстоятельство ясно обнаруживает производственный характер Оружейной палаты в Московском Кремле, тем более что сам Г.К. Котошихин подчеркнул, что «Оружейной» приказ входил в число приказов, что «устроены **на царском дворе**», а «достальные все приказы устроены от царского двора поодаль,

на площади за церквями»⁴¹. В том же сочинении «О России в царствование царя Алексея Михайловича» содержатся важные в рамках нашей темы сведения о деятельности Государевых оружейных мастерских: «а емлют к тому делу мастеров на Москве и из городов и из монастырей, кузнецов и всяких того дела промышленных людей... А уголье на то дело, и на Денежной и на Кормовой дворы, емлют Московского уезду...»⁴². Аналогичные функции оружейного хранилища и производственных мастерских, объединенных в одном ведомстве Оружейной палаты, выделил Я. Рейтенфельс, побывавший в ней вскоре после ее парадной отделки в 1671–1673 гг.: «Ружейный (приказ), в котором **изготавливается и хранится** всякое оружие, знамена и все прочее, необходимое для пышных военных торжеств»⁴³.

Последующие изменения в топографии с появлением новых хранилищ Оружейной палаты в первой половине XVII в. уже были прослежены нами ранее при анализе черновой Описи 1646 г. и «Перечневой росписи Оружейной казны царя Алексея Михайловича» 1647 г.⁴⁴ Добавим, что при царе Михаиле Федоровиче к 1625 г. у внешней стороны кремлевской стены, между Тайницкой и Водовзводной башнями, был построен Бархатный двор, где по описи 1687 г. указано одно из хранилищ Оружейной палаты. Ю.В. Арсеньев полагал, что мастеровые Бархатного двора «наряжались в помощь» мастерам Оружейного приказа, а работой их руководил помощник начальника Оружейного приказа: так, при окольничем В.И. Стрешневе (во главе Оружейного приказа в 1626–1639 гг.) эти обязанности исполнял ловчий А.И. Матюшкин⁴⁵. Но в росписи 1647 г., отличающейся точной локализацией различных помещений Оружейной палаты, хранилища на Бархатном дворе не указано. Вместе с тем в том же 1647 г. был учрежден Приказ ствольного дела (Ствольный приказ), в чьи мастерские, устроенные действительно на Бархатном дворе, было привлечено около 200 кузнецов-оружейников, выполнявших заказы Оружейного приказа⁴⁶. Вероятно, «онбар, что за Тайницкими вороты у Кремля города, у стены», подлежавший ведению Солдатского приказа и упомянутый уже в 1638 г. в связи с переносом туда мушкетов и лат из палаты на Денежном дворе, «что на Варварском кресце, против Гостина двора», перешел позднее в распоряжение Ствольного приказа.

Благодаря интегрированной структуре управления был найден оптимальный путь развития для московской школы парадного оружия. Многие исследователи уже не раз акцентировали внимание на участии мастеров Золотого и Серебряного приказов в создании высококлассных оружейных изделий. Гораздо менее разработана тема разносторонней квалификации самих мастеров-оружейников и соответствующей организации Оружейной палаты. Например, согласно «Приходо-расходной книге золоту» за 1622–1625 гг., «полоса сабельная тевриской выков» была откована сабельным мастером Алфером Юрьевыми, затем позолочена самопальных замков мастером Первушей Исаевым, после чего наводником Борисом Суетиным она была орнаментирована при помощи волоченого золота, которое подготовил мастер той же Оружейной палаты Юрий Яковлев⁴⁷. Таким образом, весь цикл изготовления и украшения этой сабельной полосы от начала и до конца пришелся только на Оружейную палату.

Лишь для срочных и значительных по объему работ в Оружейную палату привлекались мастера разных специальностей из других приказов. Так, в 1685 г. из пушкарского приказа «для Государева скорого дела, на время» были присланы оружейники «в прибавку мастерам для протазанного и мечья дела»⁴⁸. В 1658 г. из Стрелецкого приказа также «для Государевых скорых дел, на время» были вызваны из «разных приказов стрельцы бронного дела мастера»⁴⁹. В 1660 г. из Приказа Большого Дворца были привлечены паникадильные мастера из Таганной слободы, причем архивные источники, выявленные нами, позволяют установить, что паникадильные мастера присылались в большинстве случаев для изготовления медных огнив на холодное оружие или медных оправ на пороховницы⁵⁰.

Мастера Оружейной палаты, в свою очередь, также вызывались «на время» для выполнения тех работ, где требовалось их высококвалифицированное мастерство. В 1661 г. оружейного дела мастера были взяты в Казенный приказ «для заводу монетного дела»⁵¹. О тесной связи монетного и оружейного дела, восходящей к византийским традициям, свидетельствовало размещение Старого Денежного двора в годуновских палатах Кремля (в первой трети XVIII в. здесь же находилась Монетная контора)⁵².

Именно благодаря русским «мастеровым», работавшим в Бронном приказе до Смуты, Оружейная палата была возрож-

дена при новой царской династии Романовых. В первую очередь, следует назвать бронного мастера Конона Михайлова, создавшего стальной бахтерец еще в 1587 г.⁵³ В 1620 г., используя как кольчужную, так и панцирную технику крепления колец, он изготовил первоклассный бахтерец (рис. 3), украшенный золотым наводом, для царя Михаила Федоровича (4564 ОП). Наряду с этим мастером преемственность оружейных традиций на рубеже XVI–XVII вв. обеспечила династия лучников Деревягинных, первые упоминания о которых были отмечены нами в описи Б.Ф. Годунова, а документы XVII в. сохранили имя лучника Василия Деревягина. Наконец, знаменитый мастер латного и самопального дела Никита Давыдов приобрел известность в Оружейной палате, по всей видимости, до Смуты, ибо уже в 1613 г. был послан указ Владимирскому воеводе с требованием «прислать к государю на Москву в Оружейную палату на казенной подводе кузнеца Микиту»⁵⁴. Тотчас же после возвращения Никита Давыдов был пожалован в старшие мастера Оружейной палаты и возглавил оружейную артель в количестве 20 человек.

Учитывая общегосударственное значение столичного центра ору-

Рис. 3. Бахтерец царя Михаила Федоровича. 1620 г. Мастер – Конон Михайлов. (4564 ОП). Длина – 66 см, ширина – 55 см, вес – 12 300 г. Диаметр колец – 12 мм, всего колец – 9000. Общее количество пластин – 1509

жейного производства, правительство сразу же после воцарения Михаила Федоровича взяло курс на скорейшее восполнение кадрового состава мастеров Оружейной палаты. С этой целью был организован поиск и вызов в Москву наиболее квалифицированных ремесленников из различных регионов страны. Следует отметить, что в случае утайки специалистов оружейного дела местным воеводам грозили жестокие правительственные меры: «а буде по сему нашему указу киргопольских кузнецов и ствольников, всех что ни есть в Каргополе и которые вновь сысканы будут, к нашему на указанный срок... и Москве не вышлешь, или вышлешь, да не всех сполна, а оставишь кого из них в Каргополе, а за то тебе от нас быть в великом наказании без пощады»⁵⁵.

Сама география поиска, проводившегося на протяжении всего XVII в., обнаруживает специализацию ряда городов и районов России по отдельным видам ремесел в зависимости от местной сырьевой базы. Мастерством обработки железа славились ростовские, нижегородские, луховские, романовские, пошехонские, муромские кузнецы⁵⁶. Широкой популярностью пользовались мастера таких крупнейших районов металлической промышленности, как Новгородская земля и Устюжна Железнопольская, а также самопальные мастера из Каширы и кузнецы винтовальных и гладких пищалей из Ливен⁵⁷. Мастера смежных специальностей, связанных с производством оружия, приглашались в Москву из Костромы (ольстренники), Холмогор (костяного дела), Вятки (резного дела), Ярославля (станочные мастера) и других городов⁵⁸. Исходя из списочного состава мастеров Оружейной палаты, можно прийти к заключению, что значительную часть оружейников составляли выходцы из Северной Руси, как это отразилось в их прозвищах: Михайло Колмогор, Степан Волгод, Федор Ростовец и т. д.

Вместе с тем среди них было немало представителей иных национальностей, как правило, завоевавших известность в определенной области оружейного ремесла. Специалисты пансырного и сабельного дела в большинстве своем набирались из черкесов, грузин (например, сабельный мастер Петр Грузинец) и других народов Кавказа и Закавказья⁵⁹. Калмыки и чуваша известны были своими мастерами куячного и бахтерцевого дела⁶⁰.

Наконец, кадры государевых оружейников в Москве отчасти пополнялись за счет вызова иностранных мастеров, например,

в Наказы русским посольствам, отправлявшимся в Персию, неизменно включалось поручение вербовать «кизылбашских Шаховой области мастеров по сабельному, шелковому и хзовому делу»⁶¹. Кроме оплаты переезда и полного годового жалования с кормом, «кизылбашские» мастера обеспечивались также переводчиками, в основном, из посадских людей Астрахани. Последний факт еще ни разу не привлек внимание исследователей, а между тем, благодаря ему во многом проясняется процесс нахождения иностранных оружейников на русской службе.

В документах Оружейной палаты можно встретить указания на турецких мастеров по черни, греческих строчников и молдованина – «ствольного, замочного и сабельного дела мастера»⁶². Помимо упомянутых, среди иностранных оружейников широко были представлены выходцы из западноевропейских стран, нередко фигурирующие в источниках под собирательным названием «немцы». Как бы то ни было, в московских оружейных мастерских на протяжении всего XVII в. работало одновременно не более 15–20 иноземных мастеров, причем весьма непродолжительное время⁶³.

Несмотря на то, что в ранее вышедших публикациях в той или иной степени освещалась работа иностранных оружейников в Оружейной палате, тем не менее, еще ни разу не был проставлен акцент на сохранении государственной тайны в оружейном деле. Между тем постоянную актуальность этого вопроса лишний раз подчеркивает государственный указ 1675 г. о воспрещении продавать иноземцам порох, свинец и всякое оружие: «чтоб русские всяких чинов люди ... и всякие иноземцы пороху, и свинцу, пищалям, сабель... Калмыкам и Мугалам, и Китайским людям, и Бухарцам, и Башкирцам и всяким иноземцам нигде не продавали и ни на что не променивали»⁶⁴. Теми же стратегическими интересами Российского государства было продиктовано еще одно постановление конца XVII в. «о запрещении Черемисам, Чувавам и Вотякам заниматься кузнечного дела мастерством»⁶⁵.

Объяснение столь строгим мерам можно найти в более поздних памятниках российского законодательства середины XVIII в., где предписывалось «иноверцев, не воспринявших христианского закона, в цехи не записывать»⁶⁶. В соответствии с традициями Оружейной палаты определение в мастера сопровождалось приводом к «истинному обещанию» в Большом Ус-

пенском или Архангельском соборах Московского Кремля, при этом «новик» давал присягу, что «дела никакого хитра не учинит над государевой казною и, взяв великих государей годовое денежное и хлебное жалование, **не збежит ни в немца, ни в Крым, ни в иные страны**»⁶⁷. Так, 13 июля 1645 г. в Мастерской палате было совершено крестное целование всех мастеров новому царю Алексею Михайловичу⁶⁸.

Вызванные из-за границы или приглашенные из других городов в Оружейную палату мастера селились, как правило, в Бронной слободе, тем самым обеспечивался строгий правительственный контроль и соблюдались необходимые меры предосторожности. Во второй половине XVII в. было особо оговорено, что «сабельных дел мастеров из иноземцев в Москве в Мещанскую слободу не переводить, но оставить по прежнему в Бронной слободе»⁶⁹. Там же оставались оружейники, выбывавшие из Оружейной палаты после периодических аттестаций: «всяким мастеровым людям, которые **по приговору Оружейной Палаты плохи** и дела их мастерства не прибыльны, отставить и быть им в Бронной слободе в тягле»⁷⁰.

Определяющим фактором столь компактного проживания являлось сохранение государственной тайны в оружейном деле. Согласно «Уставу» Анисима Михайлова, «у хором мастеровых людей двери и окна... устроить во двор, а не на улицу»⁷¹. Вероятно, обнаруженные при археологических раскопках в Москве, в Зарядье, такие топографические особенности планировки ремесленной усадьбы, как расположение дома и мастерской ремесленника в глубине двора, были вызваны именно этим фактором, а не случайными обстоятельствами, как полагал М.Г. Рабинович⁷².

Проблема воспроизводства квалифицированной рабочей силы и пополнения кадрового состава дворцовых оружейников после Смуты была решена в предельно сжатые сроки, судя по темпам роста численности мастеров Оружейной палаты. Если в 1613 г. в Оружейной палате было собрано лишь 20 оружейников, то за два года их стало 39 человек, а в 1621 г. уже числилось 52 мастера, в т. ч. иноземные⁷³. К 1627 г. число мастеров Оружейной палаты достигло 66 человек, а всего за первую половину XVII в. оно было доведено до 130 человек, привлеченных к выделке парадного либо строевого вооружения для государственных нужд⁷⁴.

Согласно обнаруженной нами «Росписи Оружейной палаты мастеровых людей разных дел русских и иноземцев с денежными оклады» 1663 г., численность дворцовых оружейников составляла к этому времени **108 человек**⁷⁵. Напомним, что в Бронном приказе, по данным за 1572/1573 г.г., насчитывалось почти столько же ремесленников – **109 человек**. В 1671 г. в ведомстве Оружейной палаты состояло 136 мастеров, в то время как в ведомстве Ствольного приказа – 113 человек⁷⁶. Следовательно, правомерно сделать вывод, что к середине XVII в. численность мастеров Оружейной палаты, занятых непосредственно изготовлением казенного оружия, стабилизировалась и стала регламентироваться штатным расписанием. Последнее документировано как выявленной росписью 1663 г., так и списком выдачи мастеровым Оружейной палаты прибавочного жалованья 1655 г., а также подробным списком выдачи жалованья служащим Оружейной палаты 1661 г.⁷⁷ Из этого вытекает, в свою очередь, заключение, что почти полвека потребовалось для восполнения кадрового состава мастеров Оружейной палаты после Смуты и приближения их численности к уровню конца XVI в.

⁷⁵ О московской оружейной школе в этот период см.: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб., 2010. С. 351–366.

⁷⁶ Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. М., 1916. С. 266.

⁷⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской ордою. СПб., 1884. С. 122, 169.

⁷⁸ Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 599.

⁷⁹ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 10, 213–214.

⁸⁰ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. // Труды ГИМ. Вып. 31. М., 1956. С. 53–54.

⁸¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 34.

⁸² Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 230.

⁸³ Там же. С. 352.

⁸⁴ Опись Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. М., 1885. С. 85.

⁸⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 1990. С. 103; Малицкий Г.Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 536.

⁸⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. С. 31, 137–138.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. I. Ч. 4. Ед. хр. 4388.

⁸⁸ Ульянов О.Г. О времени возникновения Оружейной палаты Московского Кремля (к 500-летию создания) // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. М., 2009. С. 338–339.

- ¹⁵ ЧОИДР. Кн. IV. М., 1915. С. 290; Из истории блокады Русского государства / Перевод и вводная статья И.М. Полосина // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955. С. 257–271.
- ¹⁶ ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 102.
- ¹⁷ Royal Armouriers. London, 1986.
- ¹⁸ Лурье Я.С. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 292.
- ¹⁹ См. подробнее: Ульянов О.Г. Древнейший арсенал в Московском Кремле – место рождения русской артиллерии // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. IV. С. 238.
- ²⁰ Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1938. С. 59, 80.
- ²¹ ЧОИДР. Кн. IV. М., 1884. С. 20–21.
- ²² Письмо Иоанна Кобенцеля о Московии // ЖМНП. № 9. СПб., 1842. Отд. 2. С. 150.
- ²³ Еще в 1593 г. персидский шах Аббас I продемонстрировал послу царя Федора Ивановича князю Андрею Звенигородскому свой дворцовый арсенал – «шеломы и шапки и зерцалы булатные, навожены золотом, и панцири» и сообщил, что «то делают в нашем государстве, а булат хороший красный выходит к нам из Индийского государства, а панцири добрые из черкас» (См.: Дон-Хуан Персидский. Путешествие персидского посольства через Россию, от Астрахани до Архангельска, в 1599–1600 гг. М., 1898. С. 16).
- ²⁴ Горсей Дж. Записки о России в XVI – нач. XVII вв. М., 1990. С. 106.
- ²⁵ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 20. М. 1948. С. 38.
- ²⁶ Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 362.
- ²⁷ ОР РНБ. Эрм. 542.
- ²⁸ Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного // Исторический архив. Т. IV. М., 1949. С. 14.
- ²⁹ Там же. С. 19.
- ³⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 104.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 69359. Л. 4.
- ³² Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря // МИА СССР. № 77. М., 1958. С. 197.
- ³³ Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 65, 74.
- ³⁴ Колчин Б.А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // МИА СССР. № 12. М., 1949. С. 197.
- ³⁵ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 7.
- ³⁶ Арсеньев Ю.В. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче: материал, извлеченный из архива Оружейной палаты. СПб., 1903. С. 1; Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 6.
- ³⁷ АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 355. С. 425.
- ³⁸ ОПИ ГИМ. Син. 939. Л. 102 об.

- ³⁹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 283.
- ⁴⁰ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // История Отечества. Век XVII. М., 1983. 497.
- ⁴¹ Там же. С. 504.
- ⁴² Там же. С. 497.
- ⁴³ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // ЧОИДР. Кн. III. М., 1905. С. 113.
- ⁴⁴ Ульянов О.Г. Оружейная школа Москвы в первой половине XVII века (По данным Описей 1639, 1646 и 1647 годов) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. II. С. 442–454.
- ⁴⁵ Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII в. М., 1904. С. 4.
- ⁴⁶ Епифанов П.П. Оружие // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 267; Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 352.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 1024. Л. 194, 197.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 1. Ч. 4. Ед. хр. 5675.
- ⁴⁹ Там же. Ч. 5. Ед. хр. 5921.
- ⁵⁰ Там же. Ч. 6. Ед. хр. 7251; Ч. 7. Ед. хр. 7906; Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 946.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1. Ч. 6. Ед. хр. 7405.
- ⁵² Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ед. хр. 69359. Л. 2.
- ⁵³ Железнов В.Ф. Указатель мастеров, русских и иноземцев, горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел и производств, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907. С. 29.
- ⁵⁴ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 21–22.
- ⁵⁵ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 5.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Ед. хр. 5048; Ч. 5. Ед. хр. 5533; Ч. 7. Ед. хр. 8350, 8512.
- ⁵⁷ Там же. Ч. 5. Ед. хр. 5895; Ч. 6. Ед. хр. 7223, 7700; Ч. 7. Ед. хр. 8369.
- ⁵⁸ Там же. Ч. 5. Ед. хр. 5725, 5750; Ч. 6. Ед. хр. 7280, 7445.
- ⁵⁹ Там же. Ед. хр. 7714; Ч. 7. Ед. хр. 7849, 8004.
- ⁶⁰ Там же. Ед. хр. 8026, 8039, 8132.
- ⁶¹ Там же. Ед. хр. 8032.
- ⁶² Железнов В.Ф. Указатель мастеров, русских и иноземцев ... С. 32, 60.
- ⁶³ Епифанов П.П. Оружие ... С. 268.
- ⁶⁴ ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. С. 375.
- ⁶⁵ ПСЗ. Т. 3. СПб., 1830. Ст. 1579. П. 8.
- ⁶⁶ Там же. Т. 12. Ст. 9012.
- ⁶⁷ СБИИРАН. Ф. 133. Д. 50.
- ⁶⁸ Троицкий В.И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века. М.-Л., 1928. С. 51.
- ⁶⁹ ПСЗ. Т. 1. Ст. 559.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 8. Ед. хр. 9729.
- ⁷¹ Радищевский О.М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах или статьях, в государственное царей и

великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси Самодержцев, в 2-х частях: Ч. 2. СПб., 1781. С. 11.

⁷² Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX–XV вв. // Труды ИЭ. Новая серия. Т. 1. М., 1947. С. 32.

⁷³ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты ... Л. 21–23.

⁷⁴ Бахрушин С.В. Железодельные заводы в Русском государстве в XVI в. // Вопросы географии. Вып. 20. М., 1950. С. 3; Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII в. // Материалы и исследования ГММК. Вып. 2. М., 1976. С. 25.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 7. Ед. хр. 8490. Л. 1–16.

⁷⁶ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей ... С. 103.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 5. Ед. хр. 5653. Л. 11–12; Ч. 6. Ед. хр. 7596.